Было видно, как брови Генриха слегка изогнулись. Его помощник смотрел на меня неодобрительно.

— Ты вошла, не зная…

— Хозяин, — герцога невежливо перебили.

Это было до того, как он смог что-то сказать. Пейна и другие служанки подошли вплотную к моей спине и все разом посмотрели на Генриха.

— Леди действительно не знала этого и спала в спальне хозяина. Вчера, из-за нашего недосмотра, она потерялась в замке…

— Еще одна ошибка, — резкий голос Генриха прервал Пейну. — Вы хоть что-нибудь делаете правильно?

При этих словах все служанки мгновенно опустились на колени и склонили головы.

По-моему, они выглядели испуганными.

Заметив, что Генрих приподнимается на своем месте, я оторопела.

Его рука тянулась к мечу, висящему у него на поясе.

Я поспешила встать перед служанками, затем набралась храбрости, насколько могла, и крикнула Генриху:

— Я, это я поступила неправильно! Я бродила сама по себе и не знала, что в замке есть заклинание!

Я видела, как его глаза сузились, но не запнулась и продолжила объяснять:

— Если бы я знала, что это комната герцога, я бы не вошла туда!

В этот момент лицо Генриха стало пугающе холодным.

Увидев, как его изящный лоб слегка исказился, я подумала: «О, так вот как закончится моя жизнь на это раз».

Генрих выглядел сейчас гораздо более устрашающе, чем раньше. У меня было отчетливое

предчувствие приближающейся смерти.

Однако не так уж плохо, что я отдаю свою жизнь за служанок, которые заботились обо мне и любили меня.

Если бы я родилась богатой аристократкой в моей следующей жизни…

…Думаю…

Генрих повернулся к столу и протянул мне ладонь.

— Дай мне руку.

Отрезать руку вместо того, чтобы отнимать жизнь — разве это не проще для злодея?

Даже с этой мыслью мне удалось вытянуть одну из своих дрожащих рук, и Генрих, немного нагнувшись, схватил меня за запястье и начал накладывать заклинание.

Вокруг его тела поднималась ярко-голубая энергия. Прошло совсем немного времени, и она собрались над тыльной стороной моей ладони и выгравировали синее предложение. Фраза появилась на некоторое время и быстро исчезла.

— Теперь ты не заблудишься в замке.

Генрих отпустила мою руку, нерешительно посмотрел на меня, а потом прошептал:

— Напротив твоей комнаты…

— …Да?

— …Расположена моя спальня. Она находится в коридоре с правой стороны третьего этажа. Имей это в виду.

Я в недоумении подняла голову, герцог снова выпрямился, как будто ничего не произошло.

Выглядел он по-прежнему устрашающе, но, по крайней мере, это не было похоже на то, что он собирается вытащить нож.

А потом Генрих сказал с видом сонного хищника:

— У меня сегодня много работы, так что я позову тебя через несколько часов.

Я не могла сказать: «Хорошо», — потому что смотрела на него с пустым лицом.

Видя это, горничные переглянулись и поспешно вывели меня из кабинета.

Даже вернувшись в комнату, я пребывала в полном недоумении.

«Хорошо, что я не попала в беду…»

После небольшой задержки у меня заболела голова, возможно, потому что я все время нервничала.

Только когда я вернулась в комнату, горничные почувствовали облегчение. Казалось, они потеряли все свои силы.

Выпив какао с молоком, принесенное Пейной, я достал цветные карандаши, которые дворецкий дал мне в прошлый раз, чтобы успокоить свое растревоженное сердце.

В попытке стабилизировать разум и тело, я легла на пол без всяких мыслей, и услышала, как горничные шумят.

— Как и ожидалось, она, похоже, произвела на него хорошее впечатление.

— Я тоже так думаю. Нельзя получить знак, пока не исполнится больше десяти лет…

Из того, что они говорили, я поняла, что магия, которую Генрих наложил на меня, кажется, является «меткой».

— Почему дети получают ее только после десяти лет? А если они заблудятся в замке? — этот вопрос задала Мэри, и я поняла ситуацию.

— Если молодые господа получат метку раньше, они будут беспокоить его и повсюду устраивать хаос.

Это отец, который говорит, что дети раздражают его.

Как и ожидалось, Генрих кажется глубоко ущербным человеком.

Почему такой человек дал мне раннюю метку, в отличие от своих сыновей?

Я на мгновение погрузилась в раздумья, рисуя солнце на листе бумаги.

Возможно, это был высокий уровень сарказма — сказать мне, где находится его комната, и не дать снова заблудиться в замке.

«Хм, а ты придурок!»

Почему-то я была уверена, что это наиболее вероятно.

Чувствуя беспричинное раздражение, я перестала рисовать солнце и цветы и на этот раз изобразила Генриха.

А потом черным карандашом подрисовала две пары рогов у него на голове.

Когда я закончила, Генрих выглядел как король-дьявол из книги сказок.

Детская рука была не очень твердой, поэтому я не смогла изобразить его более четко, но это ничего.

— О, миледи. Вы рисовали? — Пейна мельком взглянула на мою картину.

Тут же устыдившись, я закрыла рисунок своим телом, сложила его пополам и прижала к себе.

— Пожалуйста, не смотрите.

— Юная леди, не делайте этого. Покажите мне.

— Вот именно. Вы хорошо рисуете, не так ли?

Мои служанки хвалили меня за то, что я всегда хорошо рисовала, вот почему я обычно прятала свои рисунки.

Я плохо рисовала, но они все равно хвалили меня. Это обременительно и неловко.

http://tl.rulate.ru/book/49139/1652399